

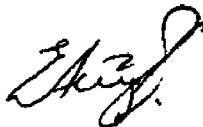
На правах рукописи

ЕЛЬСАЕВ АЛАМАХАД АБДУЛ-ХАМИДОВИЧ

**ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

Специальность 23.00.02 – политические институты,
этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы
и технологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Ростов-на-Дону – 2005

Работа выполнена на кафедре политологии и этнополитики
Северо-Кавказской академии государственной службы

Научный руководитель: доктор политических наук, профессор
Старосгин Александр Михайлович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Добаев Игорь Прокопьевич
кандидат политических наук, доцент
Черноус Виктор Владимирович

Ведущая организация: Ростовский государственный
педагогический университет

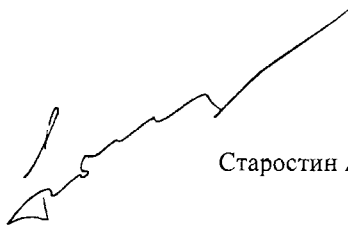
Защита состоится «9» июня 2005 г. в 11-00 часов на заседании диссертационного совета Д 502.008.02 по политическим наукам при Северо-Кавказской академии государственной службы по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70, аудитория № 512.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Северо-Кавказской академии государственной службы.

Автореферат разослан «6» мая 2005 г.

Отзывы на автореферат, заверенные печатью, просим присылать по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70, СКАГС, к. 304.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Старосгин А.М.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Оптимизация процесса модернизации национальных обществ и их политических систем, способы и формы данного процесса в последние десятилетия вошли в ряд наиболее острых проблем современной цивилизации. Распад колониальной системы и возникновение десятков новых государств актуализировало комплекс модернизационных проблем в середине XX века. Второй всплеск исследовательского интереса был связан с крахом системы социализма и поисками наиболее оптимальных форм трансформации политических режимов постсоциалистических государств, в том числе и самой Российской Федерации.

По учитывая ее многосоставной характер и полиэтнокультурную природу, данная проблема в той или иной форме встала и перед национальными образованиями, входящими в состав Федерации. При этом на Северном Кавказе общественно-политическая динамика постсоветского периода привела к резкому обострению межнациональных отношений и возникновению ряда острых этнополитических конфликтов.

Наиболее кризисными чертами характеризовался политический процесс Чеченской республики, в течение 90-х гг. тщетно пытавшейся отыскать наиболее оптимальную форму своего общественно-политического устройства. Кризисный характер развития Чечни, как известно, имел самые трагичные последствия для самой республики и определенным образом деформировал общественно-политический климат во всей Российской Федерации.

Тем самым, помимо теоретического интереса, комплекс проблем, связанных с модернизацией политического процесса общества, характеризуемого значительной внутренней сегментированностью и обладающего в силу этого и ряда других факторов ограниченным ресурсом развития (а именно таким является в настоящее время чеченское общество), имеет исключительное практическое значение. При этом следует учитывать, что политическая трансформация представляет только одну из составляющих комплексной модернизации реформируемого национального сообщества.

Особенности данного системного процесса в значительной степени определяются базовыми характеристиками общества, специфическими чертами его истории, уровнем социально-экономического и социокультурного развития, конфессиональной принадлежностью, доминирующими ментальными типами населения, как и множеством других параметров, которые необходимо учитывать при оценке существующего модернизационного потенциала

Но существенное значение имеют не только внутренние (эндогенные), но и внешние по отношению к республиканскому социуму факторы влияния, среди которых выделим системную трансформацию Российской Федерации, а также процесс глобализации. Темпы, которыми характеризуется данный про-

цесс, как и его тотальные формы (зачастую представляющие прямолинейную «вестернизацию»), обусловили жесткую конфронтационную реакцию со стороны мусульманской о мира. Одной из компонент данного ответа является движение альтернативных западному вариантов модернизационного развития К ним принадлежит, в частности, и ваххабистский «проект», достаточно ошутимо представленный в общественно-политической жизни Чечни во второй половине 90-х годов. Рассмотрение потенциального социального ресурса различных вариантов модернизации республиканского политического процесса, является необходимым элементом заявленной темы исследования. И это также подчеркивает ее актуальность, учитывая место и роль глобальной антитеррористической кампании в современном мире.

Степень разработанности проблемы. Литература по проблемам политической модернизации достаточно обширна и разнообразна Среди отечественных исследователей отметим работы С.Н. Гаврова, В.И. Ильина, И.И. Кравченко, А.С. Папарина, А.И. Соловьева, И.Г. Яковенко¹.

На Западе теоретическое осмысление процессов политической и этнополитической модернизации началось на несколько десятилетий раньше и поэтому круг исследователей, внесших свой вклад в данное исследовательское направление, шире. Отметим здесь работы Г. Алмонда, С. Блека, Э. Гидденса, К. Гриффина, Р. Даля, Г.О' Доннела, М. Леви, Х. Линдла, У. Мура, Л. Пая, Д. Рюшмейера, Ю. Хабермаса, С. Хантингтона, Ф. Шмиттера, У. Шрамма, С. Эйзенштадта, А. Экстайна².

В диссертационном исследовании, достаточно широко использовалась литература по проблемам межэтнического взаимодействия. Значительный интерес для нас представляли работы этнополитологов, этносоциологов и этнопсихологов Н.В. Арутюнова, И.П. Добаева, Л.М. Дробизевой, С.В. Лурье, А.Л. Садохина, З.В. Сикевич, А.А. Сусоколова, В.Ю. Хогинца, В.В. Черноуса, исследования этнодемографов М.Н. Губогло и В.И. Козлова.

Большое число работ последнего времени посвящено анализу и оценке особенностей этнополитического процесса Чеченской республики в постсоветский период. Выделим исследования Ю.В. Васильева, В.Ю. Верещагина, С. Дауева, Г.С. Денисовой, П.Я. Нечепуренко, Э. Паина, С. Сарматина, А.В. Типшкова, Л.Л. Хоперской³.

¹ См. Гавров С.Н. Модернизация незападных обществ: соотношение локального и универсального // Вестник Московского госуд. ун-та культуры и искусств. М., 2003. № 2; Кравченко И.И. Модернизация сегодняшней России // Эстетические модели модернизации. М., 2002; Панарин А.С. Искусшение глобализмом. М., 2000.

² См. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003; Гидденс Э. Последствия модерности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999; Эйзенштадт Ш. Множественность модернизмов в век глобализации // Глобализация: контуры XXI века. М., 2002.

³ См. Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов н/Д. 1997. Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Ростов н/Д. 2003; Дауев С. Чечня: коварные тайны чеченской истории. М., 1999; Современное положение Чечни: социально-политический аспект. Ростов н/Д., 2001.

Учитывая характер нашего исследования, необходимо было привлечь работы, анализирующие особенности традиционного этносоциального и этноконфессионального устройства чеченского национального сообщества. Среди авторов, изучавших данный круг проблем, можно отметить дореволюционного ученого У. Лаудаева, начавшего научное изучение специфики тейпово-тукхамной организации, а среди исследователей советского периода – М. Мамакаева, И. Саидова, А. Саламова, С.Ц. Умарова, С. Хасиева, Я. Чеснова.

Отдельным аспектам жизнедеятельности современного чеченского общества посвящены работы Л.С. Басхановой, С.А. Воронцова, Л. Ильясова, А.А. Манкиева, Ю.Е. Милованова, Э. Хасмогоматова.

Динамика чеченского этнополитического кризиса и многие компоненты жизнедеятельности республиканского социума в постсоветский период исследуются в серии коллективных сборников, издаваемых Центром системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ, которые также использовались в диссертационной работе¹.

Сложность современной общественно-политической ситуации в республике и необходимость определения форм оптимизации ее государственного устройства и политического процесса определила интерес к работам теоретика-«традиционалиста» Х.А. Нухаева, разработавшего проект выделения в составе Чечни двух территориальных образований.

Тем самым проблемный комплекс, связанный с нормализацией и модернизацией чеченского общества, не обделен вниманием научного сообщества. Однако, несмотря на значительное число исследований, посвященных различным аспектам жизнедеятельности Чечни, вопрос о наиболее оптимальных формах и направлениях развития его политического процесса остается в центре научной дискуссии и далек от своего решения.

Теоретико-методологическая база. Методологическим основанием диссертационного исследования стали теоретические методы, принятые в современной отечественной и зарубежной политологии, политической социологии и этноконфликтологии. При изучении общественно-политической динамики Чеченской республики применялись методы сравнительного анализа идеологических программ и форм практической деятельности отдельных субъектов политического процесса. Элементы структурно-функционального и политико-социологического анализа использовались при изучении внутрисистемных конфигураций, возникавших в структуре политической элиты каждого из периодов постсоветского развития Чечни. В процессе исследования применялись также методы анализа социологического и статистического материала (данные мониторингов, социально-экономическая статистика и динамика миграционных потоков)

¹ См. Басханова Л. С.-Э. Чечня: общественное мнение в условиях этнополитического конфликта. Ростов н/Д., 2004; Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 2004; Добаев И. П. Исламский радикализм. Ростов н/Д., 2002.

Объектом исследования является динамика основных структурных элементов политического процесса Чеченской республики в постсоветский период.

В качестве **предмета** исследования определяются проекты модернизации республиканского политического процесса, реализуемые в конце XX – начале XXI вв. различными властными командами; возможные формы оптимизации современной общественно-политической динамики Чечни и модернизации ее политической системы.

Цель и задачи исследования. Основной целью исследования является комплексное исследование динамики республиканского политического процесса в конце XX – начале XXI вв.; определение ведущих векторов его модернизации, объективно заданных ограничителей, путей и форм оптимизации данного процесса. Общая цель конкретизирована в следующих задачах:

- определить и представить в общем виде совокупность системных факторов, определяющих динамику республиканского политического процесса;
- выделить в пределах постсоветского периода развития Чечни ряд этапов, характеризующих спецификой развития республиканского политического процесса, собственной формацией политических деятелей; определенной системной конфигурацией и силовым соотношением различных субъектов политического процесса,
- исследовать структурные и функциональные особенности политико-правовой модели, реализуемой в ходе государственного строительства Чечни на каждом из выделенных этапов; представить основные внутренние и внешние факторы влияния (давления) на политическую систему республики и их соотношения в общественно-политической динамике данного времени;
- зафиксировать в пределах каждого периода расстановку и иерархию основных центров политического влияния, очертить в общем виде их идеолого-политические платформы и программы действий (модернизационные проекты общественно-политического развития республики);
- определить возможные формы модернизации политической системы и политического процесса Чеченской республики на обозримую перспективу; установить набор условий, необходимых для успешной реализации данных процессов; зафиксировать объективные ограничители, сроки и пределы подобной модернизации.

Научная новизна диссертации заключается в следующих положениях:

- выделены основные периоды развития республиканского политического процесса, различаемых по составу и системному соотношению основных субъектов политического действия; особенностям реализуемых политико-правовых моделей государственного устройства Чечни;
- установлено, что все внутренние «интеграторы» чеченского общества (конфессиональный, родовой, социотерриториальный) имеют ограниченный социальный ресурс и не способны (ни по отдельности, ни в своей совокупно-

сти) обеспечить устойчивую консолидационную платформу для всего национального сообщества;

- зафиксировано, что все данные факторы локальной интеграции в общенациональном формате в большей степени исполняют дифференцирующую и оппозиционную функции, работая против центристских усилий официальной власти, вне зависимости от того, какой политической формацией последняя в данный момент времени представлена;

- выделены основные направления коррекции республиканского политического процесса, способные в совокупности с мерами социально-экономического, социокультурного, идеологического и информационного плана содействовать нейтрализации деятельности сепаратистско-террористического движения;

- исследованы основные прогнозные варианты республиканского политического процесса на обозримую перспективу и охарактеризованы возможные формы оптимизации модернизационного развития республики и ее политической системы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В политическом процессе Чеченской республики постсоветского периода следует выделить ряд этапов, различающихся по составу действующей политической элиты, общей конфигурации центров политической силы, а также по особенностям общественно-политического устройства республики.

2. Все находившиеся у власти в постсоветский период политические формации были ориентированы на модернизацию Чеченской республики и ее политической системы. Притом, что реализуемые модернизационные проекты различались существенным образом, основной проблемой неизменно решаемой любой властной формацией, становилось определение ведущих принципов государственного устройства, способных консолидировать крайне сегментированное национальное сообщество.

3. В течение постсоветского периода в Чеченской республике были в той или иной степени опробованы различные варианты модернизации политической системы, включавшие в различном сочетании элементы западной демократии, исламской теократии, традиционной родовой и этноконфессиональной организации национального сообщества (тейпово-тукхамные и вирдово-тарикатные структуры). В силу совокупности объективных условий и субъективных факторов ни один из этих вариантов не был успешным.

4. На современном этапе развития Чечни родовые и этноконфессиональные структуры, как базовые элементы традиционной организации общества, проявляют себя дифференцированно в общественно-политической жизни республики: частично как институты противостояния официальной власти, вне зависимости от того, какой политической формацией последняя в данный момент представлена; частично — оказывая содействие официальным властным структурам.

5. История Чеченской республики постсоветского периода (два периода национальной «смуты», две масштабные военные кампании) значительным образом сократили реализуемый ресурс общественно-политической модернизации. Дополнительными и весьма существенными ограничителями последней выступают, с одной стороны, все еще продолжающееся функционирование сепаратистско-террористической «антисистемы» (СТА), деятельность которой пронизывает многие сферы жизни республиканского социума; с другой – существенные депривационные процессы, обусловленные разрушением социально-экономического потенциала республики.

6. Одним из основных содержательных векторов модернизации республиканского политического процесса представляется постепенное расширение спектра легальных общественно-политических объединений, вплоть до включения в него сепаратистских движений, строго ориентированных на деятельность в конституционном нормативно-правовом поле и жестко осуждающих методы борьбы сепаратистско-террористического подполья. Вместе с тем, шаги в направлении политической модернизации, требуют значительного подкрепления развертыванием социально-экономических программ и мер.

7. Нейтрализация деструктивной деятельности СТА, помимо мер, связанных с постепенной политической легализацией наиболее «законопослушных» и демократических по формам деятельности сепаратистских движений, может быть обеспечена через неформальное (т.е. достигнутое путем договоренностей без фиксации в нормативно-правовых актах) предоставление самым консервативным территориальным сообществам Южной Чечни значительной организационно-управленческой самостоятельности при условии полного устранения ими от поддержки сепаратистско-террористического движения.

8. Модернизация политического процесса Чечни представляется только одной из составляющих системной модернизации чеченского общества (сго социальной сферы и экономики; социoproфессиональной структуры населения и системы общественных отношений). При этом значительное отставание одного из блоков данного модернизационного комплекса может существенно тормозить реализацию всего проекта.

9. Политическая практика всего постсоветского периода показала, что Чеченская республика не располагает внутренним ресурсом для устойчивого развития суверенного государственного образования. И ее успешная модернизация может быть осуществлена только в рамках развития Чечни в составе России при мощной финансовой, материально-технической, социокультурной и информационной поддержке федерального центра.

Научно-практическое значение исследования. Результаты диссертационной работы могут быть использованы в практической деятельности республиканских органов в сфере оптимизации и коррекции местного общественно-политического процесса. Отдельные текстовые блоки могут быть представлены в качестве разделов лекционных курсов для студентов, специализирую-

щихся в области политической этноконфликтологии, социологии политики, этносоциологии.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования были обсуждены и апробированы на заседаниях кафедры политологии и этнополитики Северо-Кавказской академии государственной службы, а также представлены в докладах и выступлениях на международных конференциях «Перспективы гражданского общества в России и особенности его развития в условиях Северо-Кавказского региона» (Ростов н/Д., 2002 г.), «Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения» (Ростов н/Д., 2003 г.), а также на ряде ведомственных научно-практических конференций и семинаров в гг. Ставрополе, Грозном, Ростове н/Д в 2003-2005 гг. и отражены в 3 публикациях автора.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав (включающих 11 параграфов), заключения и списка литературы. Объем текста – 154 страницы, список литературы включает 202 источника.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность, теоретическая и практическая значимость избранной темы, характеризуются теоретико-методологические основания исследования; определяются его объект и предмет; излагаются цель, задачи и основные положения, выносимые на защиту, формулируется научная новизна.

Первая глава – «Политическая модернизация и системные характеристики чеченского общества» – посвящена анализу специфики модернизационных процессов в политической сфере, исследованию основных характеристик чеченского общества, оказывающих влияние на общественно-политическую динамику республики.

В первом параграфе – «Теоретические аспекты исследования модернизационных процессов в политической сфере» – анализируются различные определения понятий политического и этнополитического процесса, политического кризиса: исследуются специфические черты сложившихся в науке концептуальных подходов к изучению проблемы модернизации.

Как и любое понятие, фиксирующее сложное явление объективной реальности, *политический процесс* имеет в современной науке множество определений, спецификация которых определяется ракурсом проводимого исследования. В той или иной степени к политическому процессу относят все основные аспекты функционирования правовых и политических властных институтов; совокупность правил и норм политической жизни; специфику социальных механизмов, ответственных за взаимодействие и борьбу субъектов общественно-политической практики – партий, движений, политических лидеров.

Достаточно многозначным является и понятие *политической модернизации*. Теория модернизации получила развитие в середине XX века. Ее становление было связано с анализом различных аспектов политической жизнедеятельности новообразованных государств, возникших после распада мировой колониальной системы. Первоначально модернизация понималась как по возможности максимально полное копирование западных образцов во всех сферах жизни.

Модернизационные концептуальные схемы 70-80-х гг. уже в значительной мере учитывали нелинейный характер процессов общественно-политического, социальноэкономического и культурного развития стран третьего мира. Причем сам факт существования традиционных институтов и ценностей уже не рассматривался как препятствие к «модерну». При сохранении приоритета универсальных критериев развития, главный упор был перенесен на национальную форму их реализации (как результат появилось множество частных моделей модернизации – «частичной», «форсированной», «рецидивирующей», «тупиковой» и т.п.). Однако все концептуальные схемы принципиально сходились на том, что модернизация может быть в полной мере успешной только в случае соответствующих сдвигов комплекса ценностных ориентаций, разделяемых широкими слоями реформируемого общества.

Следует заметить, что социалистический эксперимент Советского Союза также являлся масштабным модернизационным проектом, альтернативным варианту западной демократии. Причем проектом долгое время достаточно успешным, учитывая его реальные результаты в различных сферах социальной практики. Распад СССР и крушение мировой системы социализма положили конец (по крайней мере на современном этапе развития человечества) данному варианту глобального развития. Однако «безальтернативность» либерально-демократического проекта будущего, активизировала все незападные социокультурные ареалы в поиске других универсалистских модернизационных проектов.

Стремительный рост исламского фундаментализма может рассматриваться в качестве такого, во многом стихийного ответа исламской цивилизации на исторический вызов Запада. С определенного ракурса тот же ваххабизм является одним из «авангардных» модернистских проектов, предложенных радикальной частью мусульманского сообщества. И в качестве такового его нельзя сбрасывать со счета, поскольку объективный анализ обнаруживает в нем элементы очень привлекательные для широких слоев населения национального Северного Кавказа.

Во втором параграфе – *«Системные параметры чеченского общества как факторы республиканского политического процесса»* – исследуются основные особенности чеченского национального сообщества, структурирующие основные сферы его жизни (в т.ч. и область общественно-политической деятельности). Фиксируется, что динамика республиканского политического

процесса определяется как множеством объективных параметров и характеристик, так и ситуационными факторами, влияние которых в отдельные «бифуркационные» моменты развития Чечни постсоветского периода оказалось едва ли не определяющим.

К числу объективных факторов (системных характеристик общества) следует отнести традиционную этносоциальную организацию чеченского общества, его конфессиональную специфику, демографо-статусный фактор, а также его основные модернизационные параметры.

Традиционная *этносоциальная организация чеченского общества*. Существует ряд теорий исторического генезиса тейпов, из которых основными являются две. Первая доказывает кровно-родственную природу тейповых структур. Вторая объясняет их происхождение социальной самоорганизацией низовых слоев населения. С этой позиции тейпы оказываются близки к чеченским конфессиональным вирдам и профессионально-сословным союзам (каспы). Ряд особенностей тейповых структур, действительно, указывает не на кровно-родственное, а скорее территориально-пространственное происхождение. Но едва ли имеет смысл жестко противопоставлять два этих принципа, которые в реальной истории нередко совмещались и дополняли друг друга.

Многочисленность тейпов предопределила необходимость их объединения в союзы более высокого системного уровня (тукхамы). Исторически в пределах Чечни сложилось 9 тукхамов. Высшим звеном системы самоуправления чеченского народа являлся Мекх-Кхел (совет страны), структурно состоявший из двух «палат». Верхняя (Лорисс) была представлена лидерами тукхамов (9 человек); нижняя (Тайпандай) – объединяла руководителей (старейшин) тейпов. Сложившаяся тейпово-тукхамная система организации чеченской общности в принципе была в состоянии отправлять всю совокупность функций, которую берет на себя государство. И работа последнего в пределах Чечни в той или иной степени всегда была направлена на ограничение и разложение данной независимой от него организационно-управленческой вертикали.

Первые серьезные шаги в этом направлении были предприняты во времена имамата Шамиля. Работа по постепенному ограничению и замещению тейпового механизма государственными структурами, была продолжена в царский период, а затем и в советское время. Нельзя сказать, эта деятельность была безуспешной. Однако все кризисные периоды сопровождались неизменной реанимацией традиционных институтов. И вопрос об уровне их влияния на постсоветский политический процесс республики, остается открытым. С одной стороны, присутствие родовых элементов можно видеть в самых различных сферах жизни чеченского общества. С другой, многие реалии республиканской социальной практики свидетельствуют о существенной утрате тейповыми механизмами своего организационно-управленческого потенциала

Однако основная линия дискуссии (о масштабах присутствия традиционных элементов) должна быть дополнена ракурсом, фиксирующим формы их распространения в современной республиканской политической практике. Отсекая частности, можно сказать, что тейпы в общественно-политической динамике постсоветской Чечни функционировали прежде всего как структуры, противостоящие официальной власти, вне зависимости от того кем она в тот или иной момент была представлена.

Но и сама власть, уходя от тейпового принципа формирования, не могла полностью отказаться от его модифицированных элементов. К последним прежде всего можно отнести кланово-клиентальные группировки, указывающие на более широкий чем родовой, принцип формирования системы власти (его можно обозначить как «патронажный»). С другой стороны, очевидна и прямо противоположная тенденция, связанная с «ужатием» тейпового принципа до масштабов одной «большой семьи», включающей обширный круг родственников по отцовской и материнской линии.

Помимо родовых институтов в Чечне сложились специфические *этноконфессиональные* структуры, также оказавшие серьезное влияние на доминирующую в национальном сообществе политико-правовую модель (вторая составляющая традиционной системы самоорганизации). Четкая этноконфессиональная иерархия заключала несколько системных уровней: сельская умма – вурд – суфийский тарикат. В Чечне сложилось два тариката – Накшбандийа и Кадирийа, различающиеся не только своей обрядностью, но и политико-правовой программой.

Существенно и то, что адатное право, регулирующее кровнородственные отношения в чеченском обществе дополняется и коррелируется шариатом (исламским правом), образуя сложную и в определенной степени противоречивую полиюридическую нормативно-правовую систему. Ее внутренняя противоречивость заключается в том, что адатное право выполняет функцию воспроизводства этнонациональных институтов, которые препятствуют интеграции национального сообщества на государственной основе. А шариат ориентирован именно на такую интеграцию.

У этой традиционной этноконфессиональной организации чеченского общества в постсоветский период появился серьезный конкурент. Таким с середины 90-х гг. выступает учение «чистого ислама» - ваххабизм.

Исторический фактор - влияние коллективной памяти народа (т.е. ее психоэмоциональной составляющей) на динамику его современной общественно-политической жизни. Для чеченского национального сообщества в силу объективных обстоятельств таким центральным стержнем коллективной памяти стала история противостояния с Россией и в целом история негативного взаимодействия с Российским государством. Причем «вехами» структурирующими историческую память являются именно пиковые обострения этого противостояния.

Демографо-статусная характеристика чеченского общества К концу советского периода чеченцы являлись доминирующей общностью своего административного образования (58 % от общей численности населения) По этому показателю (его можно условно обозначить как уровень демографической «титულიности») Чечено-Ингушетия опережала все другие республики Северного Кавказа. Проведенное в начале 90-х гг. размежевание двух национальных составных частей республики довело удельный вес титульного населения Чечни почти до максимума. Данное обстоятельство безусловно «радикализировало» местный политический процесс. Способствовали этому и другие демографические характеристики чеченского общества. В частности, его **возрастная структура** – резко повышенный удельный вес молодых возрастных групп, отличавшихся максимальной «реактивностью», а с другой стороны – повышенной манипулируемостью и **трудоизбыточность** – наличие огромного количества не занятых в производстве людей.

Модернизационные характеристики чеченского общества. К данным показателям можно отнести преимущественно сельскую систему расселения, пониженный уровень образования, профессиональную структуру с доминированием малоквалифицированных профессий.

Анализ «базовых» характеристик чеченского общества позволяет констатировать, что его глубокая кризисность в постсоветский период была предопределена предыдущим историческим развитием Чечни. С первых этапов ее «плотного» взаимодействия с Российским государством начала формироваться система негативных взаимообусловленностей, уже к середине - второй половине XIX века составившая замкнутый круг причин и следствий, разорвать который не удалось и поныне. Жесткость и продолжительность Кавказской войны определили глубокую внутреннюю отчужденность чеченского общества от России, его сильную «дистанцированность» от всех новаций, исходящих из имперского центра. Как результат, процессы модернизации происходили в Чечне в замедленном режиме. И эта сохранявшаяся традиционность вкупе с высокой конфликтогенностью, продуцируемой исторической памятью народа, неизбежно приводила к новым столкновениям с Российским государством в кризисные периоды его развития. А последствия таких «конфронтаций» незамедлительно включались в этот негативный самовоспроизводящийся сценарий.

Во *второй главе* - «**Субъекты политического процесса и общественно-политическая динамика Чеченской республики в 90-е гг. XX века**» – анализируется динамика республиканского политического процесса конца советского периода и периода «независимости» Чечни

В *первом параграфе* «**Республиканский политический процесс периода поздней перестройки (1989 - лето 1991 года)**» – указывается, что сформированная в эпоху длительной политической стабильности республиканская бюрократия в конце 80-х гг. очень осторожно воспринимала новации, идущие из союзного центра. Значительная ее часть до последнего момента не верила в их

окончательный характер и боялась «засветиться» среди реформаторов. Придерживаясь такой позиции, партийное руководство выступало в качестве все более ощутимого тормоза на пути стремительно ускорявшегося национально-реформационного процесса.

Таким образом, политическая оппозиция зарождалась не внутри партийного аппарата, а во «внешней» среде, в наиболее активных слоях республиканского общества. Изначально она была весьма разнородна, включая группировки с самыми различными программными установками. Но в общем плане среди них выделяются две основные – происламская и прозападная, притом, что параллельно начала складываться еще одна группа влияния, которую можно условно обозначить как «традиционалистскую» (включавшую сторонников родовой и этноконфессиональной организации чеченского общества).

Идеологические платформы у различных групп оппозиции в данное время только складывались. Речь, тем самым, еще не шла о самостоятельных модернизационных проектах обустройства республики. Оппозиционные центры ограничивались декларациями приверженности определенному типу общественно-политического строя и концентрировали деятельность в области тактической борьбы с партийной номенклатурой. Общность задач данного этапа и предопределила складывание широкой коалиции объединившей всю оппозицию.

Республиканский политический процесс существенно осложнялся противоборством союзного и российского центров политической власти. С этого ракурса многие оппозиционные движения, набравшие силы в республиках Северного Кавказа, в определенной мере являлись порождением ельцинской демократической оппозиции, видевшей в них свою главную опору в данном национальном регионе.

Во *втором параграфе - «Национальная «смута» - период первый (осень 1991 - осень 1994 года)»* – указывалось, что сменившая номенклатуру оппозиция в момент своего прихода к власти, обладала максимальной социальной поддержкой чеченского общества. Тем более, что объединяла самые разные группы (от последовательных демократов до радикальных исламистов). При этом, формы будущего устройства Чечни виделись ее ведущим деятелям поразному (светское демократическое государство западного образца; исламское государство, управляемое по законам шариата; традиционная теипово-тукхамная демократия; смешанные «светско-религиозные» варианты).

Приход этого разнородного оппозиционного конгломерата к власти сопровождался немедленным размежеванием. Тем более, что каждая группировка стремилась навязать остальным свой сценарий развития чеченского общества и увязать друг с другом предлагаемые проекты государственного устройства, было невозможно. Уже с конца осени 1991 г. президентской властью начинается «выбраковка» бывших политических соратников и переход последних в новую оппозицию.

Состав ее в течение 1992-1994 гг. постоянно менялся и дополнялся (в ее рядах так или иначе оказывались почти все существовавшие политические группы). Как результат, правящая элита этого периода представляла последовательный ряд сложных конфигураций, составленных противоборствующими центрами силы. В конце концов в оппозиционном лагере наряду с парламентариями оказались и члены республиканского кабинета министров, т.е. разделение элиты на правящую (официальную власть) и контрэлилу (политическую оппозицию) в это время было весьма условным. Как результат, социальный ресурс президентского блока и в целом официальной власти, от максимального быстро снизился до весьма ограниченного. Но и остальной электорат не представлял единого целого оставаясь расколотым между различными оппозиционными центрами силы.

Фиксируя непоследовательность политического курса Дудаева и частую смену им политических союзников, исследователи, как правило, находят объяснение этому в стремлении президента составить систему противовесов, позволявших ему удержаться у власти. Действительно, начав с декларируемой ориентации на построение в Чечне демократического светского общества, он в дальнейшем постепенно эволюционировал в направлении религиозно-политических движений. С другой стороны, стараясь задействовать организационный потенциал родовых институтов.

Но можно предположить, что используя самые различные силы и общественные институты Дудаев, помимо решения узкопрагматической задачи, стремился к определению наиболее оптимальной формы государственного устройства Чечни, способной консолидировать стремительно распадавшееся общество. Для исторической ситуации, в которой находилась республика в начале 90-х гг., это была невыполнимая задача.

Процессы сегментации чеченского общества проходили практически через основные сферы его жизнедеятельности. А все существовавшие «интеграторы» (родовой, конфессиональный, социотерриториальный, экономический) носили частный характер и не столько взаимодействовали, сколько противопоставлялись друг другу. Причем эта конфронтационная составляющая, существенно усиливалась глубоким социально-экономическим кризисом, поразившим Чечню. Ни демократические светские, ни исламские властные и традиционные институты не смогли эффективно модернизировать политическую систему Чеченской республики. Малопродуктивным был и опыт их совмещения. Однако официальной власти ничего не оставалось, как непрерывно экспериментировать по их удельному структурному совмещению.

В третьем параграфе – «Военный период - первая Чеченская кампания (осень 1994 - лето 1996 года)» – указывается, что системная специфика данного этапа была легко прогнозируема. Очевидно, что основным результатом силовой акции извне, станет стремительная консолидация чеченской элиты и общества. Противоборствующие политические группы объединятся против

внешнего врага. И будут полностью поддержаны национальным сообществом, что автоматически переведет локальную акцию по устранению сепаратистско-криминального режима в формат войны с народом.

Вместе с тем часть республиканской элиты (прежде всего из числа ее старой партийной номенклатуры, полностью отодвинутой от власти) по мере перехода под контроль российской группировки значительной части Чечни, отреагировала на запрос федерального центра, нуждавшегося в организации лояльного к России административно-управленческого аппарата. Однако воссозданная федеральным центром в 1995-1996 гг. республиканская властная вертикаль распространялась только на те районы республики, которые контролировались российской армией. И оценивая политическую ситуацию данного времени, можно говорить не об официальной власти и оппозиции, а скорее о двух властных политических элитах, представлявших федеральную и сепаратистскую стороны вооруженного конфликта. Ни о какой открытой оппозиции внутри каждой из двух политических формаций в таких условиях не могло быть и речи. И сам республиканский политический процесс был в максимальной степени деформирован военными действиями. В частности нерезальным было выдвижение каких-либо модернизационных проектов развития Чечни. Сепаратистская сторона была сосредоточена на военном сопротивлении, а «коллаборационистская» власть была в состоянии только имитировать работу по нормализации социально-экономического положения в республике.

Одним из самых существенных моментов в динамическом сценарии развития Чечни этого периода стало подключение к российско-чеченскому этнополитическому конфликту мощных внешних центров влияния. Международное сообщество впервые серьезно «заметило» Чечню. Причем обратили на нее внимание самые разные силовые центры. И вмешиваясь в конфликт, они реализовывали зачастую противоположные цели (их объединяла только заинтересованность в использовании сепаратистского потенциала Чечни как рычага давления на Россию).

При этом каждый из двух крупных контрагентов (запад и мусульманский мир), в свою очередь, дробился на множество самостоятельных политических акторов. В структуре западного центра влияния можно выделить следующие линии: правозащитную, геэкономическую, геополитическую, общеполитическую. В составе исламского силового центра выделяются векторы «общеконфессиональной солидарности», геэкономический, исламского фундаментализма и исламского экстремизма.

Тем самым, Чечня перемещается в средоточии Большой политики. Причем из двух политических элит (коллаборационистской и сепаратистской) именно вторая была заинтересована в подобном положении и максимально использовала, открывшиеся ей политические и информационные возможности.

В четвертом параграфе – «Национальная «смута» - период второй (осень 1996 - лето 1999 года)» – фиксируется, что политическая динамика

этого периода системно воспроизводила основные черты довоенного этапа консолидированный приход к власти политической оппозиции (в данном случае, «победившей» в войне сепаратистской элиты); значительная первоначальная поддержка новой власти национальным сообществом; ориентация (по крайней мере, внешняя) на демократические формы государственного устройства. Аналогичным был и энтузиазм общества поверившего, что основное препятствие на пути к нормальному развитию республики снято.

Развитие республиканского политического процесса воспроизводило системное сходство с довоенным периодом и в дальнейшем. Началось быстрое размежевание победившего политического конгломерата и переход значительной его части в оппозицию, которая, в свою очередь, представляла множество центров влияния, находившихся в сложных отношениях между собой. Как и раньше все силовые группировки объединяло только стремление видеть Чечню суверенным государством, признанным международным сообществом. Но будущее политическое устройство Чечни они видели по-разному.

Сохранился в прежнем виде и набор потенциальных государственных моделей. Единственным, но существенным дополнением стало появление в этом наборе ваххабизма, который получил заметное распространение в Чечне период войны. Многие влиятельные фигуры победившей политической формации увидели в идеологии «чистого ислама» интеграционный потенциал, способный сплотить национальное сообщество. Ваххабиты закрепляются в государственном аппарате республики, оказываются на важных постах в военных и религиозных структурах, входят в состав правительства.

Тем самым, уже к моменту прихода к власти А. Масхадова, он был вынужден определенным образом считаться с кадровой диспозицией, сложившейся в административно-управленческих структурах. И если он ориентировался на создание симбиотической государственной модели, в которой присутствовали бы элементы демократии западного образца, институты исламского общества и структуры, отражающие традиционную этносоциальную организацию чеченского социума, то значительная часть оппозиции стремилась к развитию достигнутого в войне геополитического успеха (что, по сути, являлось просекций идеологической программы ваххабизма в сферу геополитики)

Раздробление политического и административно-управленческого ресурса и его использование в жестко конфронтационных целях различными центрами силы, привело к состоянию перманентного политического кризиса, находившего выражение во всех сферах жизни республики. Притом, что даже при самом благоприятном сценарии политической динамики (полной консолидации элиты и ее безоговорочной поддержке населением) Чечне после Хасавюртовских соглашений предстоял самый сложный период, связанный с восстановлением разрушенной войной экономики, социальной сферы (систем здравоохранения и образования) и ЖКХ. В условиях же тотального политического противостояния реализовывался самый негативный вариант кризисного развития.

Тем самым, системные особенности чеченского национального сообщества (и прежде всего отсутствие единого интеграционного основания) в совокупности с другими факторами (разрушенные экономика и социальная сфера, наличие мощных внешних рычагов влияния, существование множества «военно-политических» лидеров неподотчетных официальной власти) сделали невозможным реализацию ни одного «положительного» сценария развития Чеченской республики.

Исключив деятельность политических сил, ориентированных исключительно на дестабилизацию положения, можно сказать, что динамика политического процесса определялась противостоянием двух модернизационных проектов: «синтетического», представленного президентской властью и «ваххабистского», поддерживаемого рядом деятелей радикальной оппозиции. При этом, ваххабистский проект в силу своей «монобазисности» оставался внутренне неизменным, трансформируя по тактическим соображениям только внешние оболочки, тогда как «синтетический» вариант Масхадова с течением времени претерпевал существенные изменения.

Пытаясь нащупать наиболее оптимальное сочетание основных его компонент, второй чеченский президент (как и первый), непрерывно варьировал их удельный вес и структурное сочетание. Но проблема заключалась в том, что искомый оптимум определялся не реальными нуждами национального сообщества, а необходимостью эффективно противостоять своим политическим оппонентам, которым президент вместе с тем был вынужден идти на самые существенные системные уступки. Как результат, его модель политического устройства Чечни неуклонно усиливала свои исламские элементы (причем в их радикальной форме).

Третья глава – «Политический процесс Чеченской республики: современность и перспектива (ресурсы и внутренние ограничители модернизации)» – посвящена анализу основных особенностей общественно-политической жизни Чечни в начале XXI века, определению наиболее содержательных форм ее оптимизации

В первом параграфе — «Административно-бюрократический этап - республиканский политический процесс в начале XXI века» – указывается, что начало второй чеченской кампании, казалось бы, вернуло общественно-политический процесс в системную ситуацию осени 1994 года (начало первой кампании). Но несмотря на внешнее сходство, внутреннее его содержание было существенно иным. Во-первых, действия России были спровоцированы силовой акцией чеченских леворадикалов. Но более существенным фактором, определившим тональность восприятия национальным сообществом наступления федеральных сил, являлся сам крайне негативный опыт "независимого" развития 1996-1998 гг. Именно он определил низкую консолидационную активность широких слоев населения на антироссийской платформе. Более того, не произошло полной консолидации даже в составе элиты. На сотрудничество

с федеральным центром пошел ряд авторитетных чеченских деятелей, из которых можно выделить духовного муфтия республики А. Кадырова.

В отличие от первой кампании, сепаратисты в считанные месяцы утратили контроль практически над всей территорией Чечни. И следовательно, почти отсутствовал период функционирования в пределах республики двух политических режимов. С лета 2000 г. можно вести отсчет послевоенного функционирования новой чеченской администрации. Отличительными чертами республиканского политического процесса начала XXI в. становится его высокая административная зарегулированность и управляемость, также радикально отличающие его от политической динамики 90-х гг. Управляемость общественно-политической динамики предопределяла отсутствие в республике серьезной политической оппозиции действующей власти, не говоря уже о возможности жесткой конфронтации отдельных ее ветвей.

Данная бюрократическая форма политического процесса сочетает как положительные, так и негативные черты. С одной стороны, общество, усталое от бесконечной конфронтации политических группировок, от своей тотальной сегментации по множеству признаков, восприняло жесткую организационную конструкцию новой власти с явным облегчением, ощутило ее как способ формальной, но пока единственно возможной консолидации. Но та же самая объективно существующая сегментация чеченского общества предопределила и настороженное отношение к лидеру, представлявшему один из тейпов и одну из территориальных общностей республики. Отрицательно оценивалось и конкретное наполнение текущего политического процесса, в частности предсказуемость его результатов (последние всегда соответствовали задаче, поставленной местной и федеральной властью). Соглашаясь с такой предсказуемостью, общество считало подобный вариант всего лишь менее худшим из существующих.

Значительным препятствием на пути нормализации политического процесса является вооруженное сопротивление сепаратистов новой республиканской властью и федеральной группировке. Само наличие подобного подполья, вынесенного за контекст гражданской жизни, сужает социальную базу республиканского политического процесса. За отделение Чечни от России выступает порядка 18-19 % населения республики – это потенциальный электорат сепаратистов, который в настоящее время, по сути, который не участвует в политической жизни республики по принципиальным соображениям.

Но тлеющая партизанская война сказывается не только на сокращении электоральной базы, ее негативное присутствие ощутимо во всех сферах жизни чеченского общества. И что не менее существенно, оно крайне отрицательно сказывается на социопсихологическом климате, доминирующем в республике.

Во втором параграфе – «Сепаратистско-террористическое движение - структура, основные параметры, перспективы развития» – указывается, что уровень сформированности данного движения, его организационная и

структурная зрелость, масштабы инкорпорации в социальные структуры Чечни и степень поддержки местным населением, позволяют определить его как «сепаратистско-террористическую антисистему» (СТА). Соответственно комплекс мер по ликвидации данного «антисистемного» образования должен охватывать все сферы и направления жизни чеченского общества.

До последнего времени все характеристики СТА демонстрировали развитую способность к своему воспроизводству, что объясняется наличием обширной базы поддержки со стороны национального сообщества. И тем не менее, некоторые признаки свидетельствуют об известном ослаблении потенциала «антисистемы». Причем сложности возникают в центральных системах ее жизнеобеспечения. Помимо целенаправленной деятельности федеральных структур, значительную роль в этом играет глобальная антитеррористическая кампания, развернутая США после сентября 2001 года (максимальное ужесточение контроля за циркуляцией финансовых потоков, оборотом оружия и т.д.)

Но антитеррористическая кампания отразилась на деятельности СТА и другим способом. Американская оккупация Ирака привела к кардинальной перестройке международной террористической сети. С 2003 г. именно Ирак становится основным средоточием ее экстремистской работы. Все другие ареалы террористической активности (в т.ч. Чечня) ушли на периферию глобального экстремистского «фронта» и поддерживаются по «остаточному» принципу.

Тем самым, объективные обстоятельства работают против СТА, заставляя ее обходиться в основном внутренними ресурсами, которые тоже имеют тенденцию к сокращению. В условиях постепенной стабилизации республиканской жизни деятельность «антисистемы» все более сопряжена с потерями мирного чеченского населения. И в целом, конфликт из межэтнического постепенно переменяется в плоскость внутринационального противоборства, что сокращает социальную базу поддержки СТА. Последняя, находится в сложном положении – с одной стороны она должна активизировать свою деятельность в борьбе за ресурсы радикальных «спонсоров». С другой, нормализуясь, национальное сообщество все отрицательнее воспринимает резкие выходы «непримиримых», дестабилизирующих жизнь республики.

В *третьем параграфе – «Политическая система и общественно-политический процесс Чеченской республики: пути и формы оптимизации»* – указывается, что вопрос о наиболее оптимальной форме общественно-политического устройства чеченского социума остается открытым. В частности, выраженная пространственная локализация жизнедеятельной базы и социального ресурса СТА, не снимает вопроса о придании Южной Чечни особого статуса. В последние годы было предложено несколько проектов такого рода. Наиболее разработанный вариант выделения данной территории в качестве самостоятельного образования, управляемого на основе традиционных родовых институтов принадлежит Х.-А. Нухаеву. Очевидная утопичность этого плана, констатируемая большинством исследователей, на наш взгляд, отно-

сится прежде всего к «громкой» процедуре и нормативно-правовой формализации процесса разделения Чечни, которые не устраивают федеральную власть. Но существует вариант фрагментарной (поэлементной) реализации данного проекта, протекающей естественным образом и практически незамеченно для внешнего наблюдателя. Такой сценарий представляется куда более вероятным, скорее даже уже находящимся в стадии осуществления, на уровне отдельных городских сообществ, выходящих на определенные договоренности о разделении полномочий с республиканской властью. В случае своего «нейтралитета» (то есть устранения от борьбы между официальной властью и «непримиримыми»), данные сообщества без всякой помпы и нормативного оформления сохраняют свою фактическую самоуправляемость. И такой естественно-эволюционный сценарий может в полной мере отвечать целям всех сторон, заинтересованных в восстановлении мирной жизни.

Однако отказ власти от масштабного политико-территориального проектирования не означает, что она не захочет со временем пойти на определенную корректировку существующей системы республиканских государственных институтов. Прежде всего, в целях более оптимального учета особенностей традиционного этносоциального устройства чеченского общества (в частности, не исключена определенная перецентрировка властных полномочий между отдельными ветвями власти, с целью придания большего веса парламенту). Большой интерес для Чечни представляет и административная инновация федеральной власти по организации Палаты общин, основной задачей которой является установление более плотной связи между властью и гражданским обществом. В структуре властных органов Чеченской республики в первой половине 90-х гг. существовал Мехк-Кхел, структурный аналог российской Палаты общин (орган всех групп и территориальных сообществ чеченской нации, предназначенный для ее диалога с властью). При определенных условиях можно ожидать возрождению данного института.

Однако оптимизация общественно-политической динамики Чеченской республики может идти не только через коррекцию структуры ее государственных институтов, но и путем содержательного расширения самого набора субъектов политической деятельности. Речь идет о постепенном "разбюрокрачивании" политического процесса и поэтапном включении в легальную общественно-политическую жизнь движений и партий, представляющих *весь* спектр идеологических платформ, существующих в республиканском обществе, в том числе и тех, что ориентированы на суверенитет Чечни.

В настоящее время все подобные партии прекратили свое существование или ушли в подполье. Однако их электорат сохранился и в образовавшемся вакууме своего представительства в структуре легальной политической жизни формирует социальный ресурс СТА. В качестве противовеса последней и могла бы выступить новая политическая оппозиция, готовая работать *исключительно* в рамках правовых норм демократического общества. По своим систем-

ным характеристикам это должна быть образованная, толерантная, не "запачканная" участием в террористической деятельности политическая генерация, осознавшая, что последовательной работой в правовом поле можно добиться больших результатов, чем вооруженной борьбой и экстремистскими акциями.

Но подобный системный сдвиг в политической динамике Чечни должен идти параллельно комплексной оптимизации жизни республиканского социума, и едва ли сможет ее опережать по темпам (скорее будет следовать за ней). В любом случае он займет весьма продолжительное время, сроки которого указать невозможно даже в первом приближении.

В *четвертом параграфе «Комплексная модернизация чеченского общества, как фактор общественно-политической стабилизации республики»* – фиксируется, что оптимизация политической сферы Чеченской республике по необходимости является частью значительно более комплексного процесса, представляющего системную модернизацию всего республиканского общества – его социальной сферы и экономики; социoproфессиональной структуры населения и системы общественных отношений.

Социально-экономическое развитие Именно крайне неблагоприятная ситуация в экономике в существенной степени затрудняет выход национального сообщества из системного кризиса. При этом апробированные в мировой практике способы ликвидации экономической разрухи (в частности прямое "накачивание" республики финансовыми средствами), в Чечне по ряду причин не могут дать ожидаемого положительного результата. И самостоятельной проблемой является определение наиболее оптимального набора стабилизационных социальных, экономических и финансовых мероприятий.

Общая картина состояния социально-экономических процессов вырисовывается из рассмотрения основных социально-экономических показателей республики (см. табл.).

С оттоком русского и русскоязычного населения республика утратила значительную часть своей квалифицированной рабочей силы. Но мигрировал за пределы Чечни и высокопрофессиональный слой самого национального сообщества. В значительной степени эти потери невосполнимы на сегодняшний день и даже на среднесрочную перспективу. А значит тот индустриально-аграрный комплекс, что сложился в советский период, в прежнем виде восстановлению не подлежит. Это надо обязательно учитывать, выбирая направления экономической специализации республики. Из советского крупнопромышленного сектора, очевидно, должен сохранить свою роль нефтедобывающий и перерабатывающий комплекс, как способный давать быструю и ощутимую финансово-экономическую отдачу. Вторым ведущим сектором республиканской экономики может стать строительный комплекс. Масштабы необходимого строительства в его жилом, административно-общественном и производственном секторах, а, с другой стороны, наличие издавна разрабатывае-

мых месторождений строительных материалов, позволят создать полный производственный цикл, способный дать десятки тысяч рабочих мест.

Таблица¹

Основные социально-экономические показатели

	1995	1996	2000	2001	2002	2003
Численность населения (до 2002 года - на конец года 2002-на 9 октября), тыс человек	916,5	808,8	609,5	815,0	1103,6	1121,4
в том числе городское	332,9	279,3	158,7	230,3	373,1	377,8
сельское	583,6	529,5	450,8	584,7	730,5	743,6
Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс чел		132,0	62,0	76,7	94,2	110,5
Численность безработных, зарегистрированных в органах государственной службы занятости (на конец года), тыс чел				32,8	190,4	321,0
Численность пенсионеров (на конец года), тыс чел	122		169	186	200	212
Среднемесячная номинальная з/плата работающих в экономике, рублей			882	1590	2508	3810
Объем промышленного производства, млн руб (до 1998 г млрд руб)	402,8	354,7	137,9	2643,8	6756,0	6976,6
Объем строительных работ, млн руб	2175,5	556,1	422,6	1630,7	4208,7	4234,9
Ввод в действие общей площади жилых домов, тыс м ²	104		236	45	352	241
Пассажирооборот транспорта общего пользования, млн пасс-км		100,7	133,0	124,6	257,0	290,8
Платные услуги населению, млн руб			0,1	94,3	132,6	188,4
Доходы консолидированного бюджета млн руб (до 98г -млрд руб)	778,1	445,0	5 5 ²⁾	3109,9	7556,0	9069,0
Расходы консолидированного бюджета млн руб (до 2000г -млрд руб)	602,7	176,1	5,4 ²⁾	2742,1	6683,0	10200,0

²⁾ – Данные приведены по муниципальным (местным) бюджетам

Два указанных направления в настоящее время в значительной степени исчерпывают потенциал динамического индустриального роста, что не означает невозможности появления в республике новых производств, относящихся к другим отраслям промышленности (например, легкой или пищевой). Более того, создание таких градообразующих производств может стать решением проблемы трудоустройства в пределах отдельного городского центра или сельской территории.

Социокультурная и психоментальная модернизация национального общества занимает самое существенное место в комплексе стабилизационно-модернизационных мероприятий, направленных на формирование общероссийской гражданской идентичности. В немалой степени социокультурная мо-

¹ См Чеченская Республика в цифрах Крайкий статистический сборник Грозный, 2004 С 12-13

дернизация чеченского общества зависит от скорости восстановления системы республиканской культурной инфраструктуры - до самого последнего времени значительная часть местного населения была лишена условий для проведения культурного досуга и удовлетворения даже весьма скромных культурно-информационных запросов.

Самостоятельным направлением является развитие системы высшего и среднего специального образования. Основной задачей высшей школы республики является ускоренное воспроизводство национальной интеллигенции, сократившейся за постсоветский период. Многослойная и достаточно противоречивая роль вузов и других социокультурных центров в республиках Северного Кавказа хороша известна. Выступая как основные «кузницы» и средоточия квалифицированных кадров, они с другой стороны нередко превращаются в очаги духовного сепаратизма и этнорадикализма. Данные две тенденции («социокультурная интеграционная» и «этноцентристская центробежная») присутствуют и в деятельности образовательных и социокультурных центров Чеченской республики, что не отменяет их преимущественно положительной роли в модернизационном процессе.

Отдельную линию последнего представляет развитие и корректировка системы социопрофессиональных ориентаций национального сообщества. В настоящее время ситуация в этой области остается прежней - технические и производственные специальности пользуются весьма низкой популярностью. И подобное положение нуждается в своей коррекции, учитывая что огромное количество молодых людей вообще остается без профессии.

Самостоятельное значение в комплексной модернизации Чечни может иметь расширение контактов между чеченской диаспорой в Большой России и населением самой республики. Но эффективно участвовать в этом процессе может только урбанизованная часть чеченской диаспоры. И прежде всего ее столичная составляющая (не только самая многочисленная и финансово влиятельная, но и максимально «культурная»).

Модернизационный проект Российской Федерации Стремительная социокультурная трансформация постсоветской России достаточно настороженно воспринимается практически во всех национальных образованиях Северного Кавказа (в т.ч. и в Чечне). Очевидный информационно-культурный переелест потребовал определенной «самодозировки» инноваций со стороны самих республиканских социумов. При этом процесс комплексной модернизации не прекращается, но по темпам и содержательным характеристикам подстраивается под адаптационные возможности самих национальных сообществ. И в каждом конкретном случае обнаруживается своя «допустимая» инновационная норма (для Чечни она в силу объективных причин еще ниже, чем в других республиках Северного Кавказа). Однако многое в этом процессе зависит от того, какого варианта модернизации будет придерживаться сама Россия. Для республик Северного Кавказа очень важно ощущать себя частью не только большого,

сильного, но и самостоятельного общества. А такие качества для России невозможны без реализации самостоятельного общенационального проекта развития.

В пятом параграфе - «Возможные сценарии общественно-политической эволюции Чеченской республики» - отмечается, что системные характеристики чеченского общества по-прежнему характеризуются повышенной конфликтогенностью и продуцируют высокую степень внутреннего сепаратизма. Самосущественное имеет и то обстоятельство, что развитие республики происходит в условиях расколотого общества, одна из частей которого не в состоянии воздействовать на ситуацию политическими методами. Не менее важно то, что политический процесс протекает в послевоенный период, когда свидетельства внешней разрухи и внутренней деформации социальной жизни по-прежнему многочисленны и очевидны.

Как результат, из множества возможных вариантов будущего развития республики и ее политического процесса можно выделить три основных, имея в виду, что в «чистом» виде они едва ли будут реализованы.

Наиболее негативный сценарий («деструктивный») может быть связан с крайним затягиванием восстановительной стадии, длительным периодом социально-экономической «полуразрухи», усиливающим негативные настроения в чеченском обществе. А последнее будет способствовать сохранению деструктивного потенциала СТА. В такой ситуации республиканский политический процесс будет сохранять свой нынешний административно-формальный характер (это качество даже усилится, вследствие сокращения поддержки населением официального курса). Центральным результатом подобного сценария будет отсутствие реальной модернизации. Республиканский социум сохранит высокую сегментированность, а Чечня на продолжительное время останется в качестве автономной от остальной России зоны кризисного развития.

Второй вариант («формально модернизационный») будет связан с быстрым (в пределах нескольких лет) восстановлением социальной сферы, производственного комплекса и ЖКХ республики - то есть с нормализацией основных сфер жизнедеятельности Чечни. При этом, однако, ее политический процесс устойчиво сохранит свой административно-бюрократический характер, что будет по-прежнему налагать определенные ограничения на общественно-политическую жизнь в республике. При таком сценарии деструктивный потенциал СТА может быть со временем существенно подорван. Но внутренний сепаратизм чеченского общества, не получив легального выхода в сферу общественно-политической деятельности, будет сохраняться в латентной форме на достаточно высоком уровне. Скрытая конфронтационность части населения осложнит формирование новой самоидентификационной модели, сопрягающей чеченское общество с Россией. И при первой же дестабилизации Федерации может обернуться очередным всплеском этнорадикализма и сепаратизма.

Третий вариант («содержательно модернизационный»), должен быть связан не только с оперативным решением задач восстановительной стадии,

но и с последующим устойчивым положительным развитием основных структурных компонентов республиканского социума. Речь идет о его системной модернизации, в которой социально-экономическая динамика будет «поддержана» социокультурным ростом, трансформацией профессиональной структуры местного населения, существенной содержательной корректировкой политического процесса. Среди результатов такой комплексной модернизации могут быть формирование положительной самоидентификационной модели (признание значительной частью национального сообщества себя россиянами), высокая степень общесистемного «врастания» Чечни в Россию, организация в самом чеченском обществе устойчивой системы сдержек сепаратизма. И, быть может, самое важное - создание внутренней интеграционной платформы, способной консолидировать национальное сообщество «поверх» всех разделяющих его барьеров.

Наиболее вероятным (исходя из уже просматриваемых тенденций), на наш взгляд, является сочетание второго и третьего сценариев (формально и содержательно модернизационного). Но в настоящее время процессы развития Чечни значительно ближе к формальной модернизации, что безусловно требует своей корректировки.

В **заключении** формулируются основные выводы проведенного исследования и определяются направления наиболее перспективные для дальнейшего изучения.

По теме исследования соискателем опубликованы следующие работы.

1. Ельсасв А. А-Х. Политический процесс Чеченской Республики: современность и перспективы. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2005. – 1,5 п.л.
2. Ельсаев А. А-Х Системные параметры чеченского общества как факторы республиканского политического процесса. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2005. – 1 п.л.
3. Ельсасв А. А-Х. Проблемы политической модернизации в условиях традиционных отношений в социуме // Актуальные проблемы и ресурсы государственного строительства современной России. Материалы научно-практической конференции. Ростов н/Д · Изд-во СКАГС, 2004. – 0,3 п.л.

Подписано к печати 05.05.05. Объем 1,3 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 29/5
344002, Ростов н/Д, Пушкинская, 70, СКАГС

РНБ Русский фонд

2005-4

33877

2955